

жиль могущественныя націи древняго міра. Съ весьма оригинальнымъ образомъ своего правлениі и своеобразной феодальной организацией, безъ какой бы то ни было поддержки и содѣйствія, съ рѣдкими проблемами славы и могущества онъ дожилъ до начала XIX ст. и на порогѣ его сложилъ свое оружіе предъ единовѣрнымъ государствомъ, вручивъ его великодушію свои судьбы для того, чтобы, обеспеченной возможностью преуспѣвать въ мирномъ благоустройствѣ для своего интеллектуального развитія, онъ могъ стать причастнымъ европейской цивилизациі».

Интересные вопросы, связанные съ исторіей Грузіи, любопытные факты и события культурно-исторического развитія ея народа, общедоступное изложеніе, легкость языка — все это дѣлаетъ «Исторію Грузіи» проф. Хаханова весьма полезно и вполнѣ подходящею книгою для общаго ознакомленія съ географіей, исторіей, языками и литературой Грузіи.

Н. Державинъ.

И. Стешенко. Поэзия И. П. Котляревского. (Къ столътнemu юбилею его Энеиды). 1. Котляревский и Осиповъ. 2. Котляревский въ съть критики. Киевъ. 1898. Стр. 1—232.

Произведенія т. и. творца новой малорусской литературы И. П. Котляревскаго имѣютъ такое важное этнографическое значение, что вполнѣ умѣсто поговорить на страницахъ «Этнографического Обозрѣнія» о книгѣ г. Стешенко. Общая мысль первой части труда г. Стешенко, носящей заглавіе: «Котляревский и Осиповъ», вкратцѣ заключается вотъ въ чёмъ. Форма перелицованный малорусской Энеиды Котляревскаго вполнѣ сходна съ формою перелицованный русской Энеиды Осипова какъ по стихотворному размѣру, такъ и по построению строфъ; по содержанию же многія строфы обѣихъ Энеидъ, малорусской и русской, совпадаютъ довольно близко, а иныя — почти буквально; но такъ какъ Энеида Осипова вышла въ 1791 году, а Энеида Котляревскаго уже въ 1798 году, то надо заключить, что подражалъ Котляревскому Осипову, а не Осиповъ Котляревскому. Справедливость этого заключенія подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ обѣихъ Энеидахъ есть мѣста, вполнѣ сходныя съ болѣе ранней пародической Энеидой Блумаузера (1784), написанной на немецкомъ языке, котораго Котляревскій, по свидѣтельству биографовъ, не зналъ; совпаденія Котляревскаго съ Блумаузеромъ могутъ объясняться, значитъ, только тѣмъ, что Блумаузеромъ пользовался Осиповъ, а Осиповъ Котляревскій. Достаточно было бы страницъ даже четырехъ, чтобы вполнѣ научно мотивировать эти положенія; но г. Стешенко счѣлъ нужнымъ произвести это на 82 страницахъ довольно мелкой печати. Такой большою объемъ происходитъ не столько отъ обстоятельности въ дѣлѣ изслѣдованія, сколько отъ нагроможденія нецужныхъ сырыхъ материаловъ, отъ частыхъ повторений одной и той же мысли и отъ наклонности опровергать такія догадки, которыхъ едва ли могли кому-нибудь прійти въ голову. Взглянемъ для образца на стр. 34—37, где у г. Стешенко приведены параллельные выписки изъ Энеиды Котляревскаго и Энеиды Осипова и где въ числѣ параллелей есть, напримѣръ, такія:

Котляр.:

А потім смерть до артикулу
Ім oddala косою честь,
На перед стоя калавуру,
Який у її мосці есть.

Предсказаний Сивиллы:

Котляр.:

Борців як три не поденкуєш,
На моторощі засердчиць.
І зараз тяглом закишикуєш,
І в буркоті закельдишь.
Коли ж що пахом з'язикаєш
І в тереб добре зживотаеш,
То на веселі запутрить.

Описание благородной женской красоты:

Котляр.:

Таке дівча—кусочок ласій:
Засланишся, ін глянеш раз...
Що ваші греческі ковбаси!
Що ваш первак грушевий квас!
Завійниця од неї вхонить,
На голову насліде клопіт,
А може тыхоне і не там:
Поставити рогом яспі очі,
Що не досини Петровської ночі,—
Те по собі я знаю сам.

Осиповъ:

Потомъ имъ смерть косой своею
Отбриннула по свойски честь,
Веди толпами за собою
Все, что у ней въ командѣ есть.

Осиповъ:

Какъ ъдки трої не посущишь,
Такъ на тошнѣ воживотить.
На всемъ пытъ ты пожелудиши
И на ворчаль забрюшнить.
А если побузить жевало,
Не засердчиць ужъ тосковало,
И все уйдило прочь сгрустить.

Окончивши эту послѣднюю порнографическую выписку, г. Стешенко говорить: «Прежде всего напрашивается обычный въ такихъ случаяхъ вопросъ: не является ли близость между обѣими передѣлками именно потому, что авторы одинаково пользовались общимъ первоисточникомъ—Энейидой *Вергилия?* Но небольшая доза сообразительности (даже очень небольшая! А. К.) и, кроме того, самое сравненіе общихъ мѣстъ славянскихъ передѣлокъ съ римскими ихъ оригиналомъ даетъ на упомянутый вопросъ чисто отрицательный отвѣтъ» (стр. 34). Высказавши свою увѣренность, чѣмъ небольшая доза сообразительности избавить читателя отъ мысли искать у Вергилия военныхъ артикуловъ смерти, штурмового языка Сивиллы и скабрезныхъ описаний дѣственной красоты, г. Стешенко все-таки посвящаетъ затѣмъ стр. 34—37 доказательствамъ, что серіозный характеръ Вергилиевой национальной поэмы не допускаетъ сатирическаго, насмѣшиліваго отношеній къ национальнымъ богамъ и героямъ, и что Вергилий не могъ же писать самъ на себя пародію. Для какихъ дикарей-читателей предназначено это обстоятельное разъясненіе, не понятно. Во всякомъ случаѣ, оно совершенно напрасно занимаетъ не мало мѣста въ книзѣ Стешенка, который, занявши сличиемъ чисто вицѣйшей стороны разныхъ Энейидъ, упустилъ изъ виду сличеніе ихъ внутренняго родства или неродства, т.-е. выясненіе самостоятельности

Котляревского. Правда, г. Стешенко много разъ повторяетъ, что малорусская Энейда Котляревского, несмотря на свою подражательность русской Энейдѣ Осипова, есть произведение вполнѣ самостоятельное, потому что отличается талантомъ и юморомъ, которого нетъ у Осипова. Но въ чёмъ же, собственно, виденъ наталантъ Осипова и самостоятельный талантъ Котляревского? Отъ литературного изслѣдованія, озаглавленнаго «Котляревской и Осиповъ» и трактующаго о независимости новой малорусской литературы, мы вправѣ ждать отвѣта прежде всего на этотъ вопросъ. Въ труде П. И. Житецкаго «Энейда Котляревского» (вышедшемъ уже послѣ появленія въ свѣтѣ книги г. Стешенка) показано фактически, осознательно и обстоятельно, какимъ образомъ Котляревский влагалъ и юморъ и талантъ въ передѣлку бездарного сочиненія Осипова. У г. Стешенка этотъ самыи существенный пунктъ совершенно не выясненъ, хотя въ то же время изслѣдователь, какъ видимъ, считалъ нужнымъ удѣлять время излишнему и несущественному опроверженію мнѣній тѣхъ воображаемыхъ читателей, которые вздумаютъ искать Сивиллу-шутовку у Вергилия.

Совершенно иначе написана г. Стешенкомъ первая часть второго отдѣла его книги, озаглавленаго: «Котляревский въ свѣтѣ критики». Изслѣдователь тщательно ознакомился со всѣмъ, что когда-либо писано было о Котляревскомъ съ 1816-го года, не исключая даже самыхъ мелкихъ замѣтокъ и случайныхъ, попутныхъ упоминаний въ одну-две строки. Хронологическому обзорѣнію и подробному изложенію всѣхъ свѣдѣній и отзывовъ о Котляревскомъ посвящены стр. 83—151 его книги, т. е. болѣе трети. Помнится, гдѣ-то въ печати было недавно указано, что г. Стешенко долженъ быть употребить на свой трудъ болѣе года, и этому повѣрить можно, такъ-какъ ему приходилось усердно рыться во вскихъ старинныхъ изданіяхъ, рѣдкихъ и малодоступныхъ, — напримѣръ, въ провинциальныхъ газетахъ. Тѣ отзывыы мнѣній о Котляревскомъ, которые носятъ характеръ благопріятный для него, г. Стешенко только излагаетъ, а неблагопріятные сопровождаются небольшими polemическими замѣтками. Такимъ образомъ, кропотливый трудъ его совершенно ясно показываетъ эволюцію взглядовъ общества (и обыкновенной читающей публики, и ученыхъ историковъ литературы) на дѣятельность Котляревского.

Сдѣлавши обзоръ чужихъ взорѣй, г. Стешенко старается поднести имъ резюме и, ужъ отъ себя, окончательно опредѣлить историческое значеніе литературной дѣятельности Котляревского и эстетическая достоинства его произведений: «Перелицьованій Энейды», «Оды до князя Куракина», «Наталии-Полтавки» и «Москви-Чарівника». Этотъ отдѣлъ (стр. 151—200)—самая слабая часть въ изслѣдованіи г. Стешенка. Требуется, напримѣръ, прежде всего решить вопросъ, была ли пародированная Энейда Котляревского, панегрическая «Ода до князя Куракина» и прочія его произведенія достойныи, національныи проявленіи малорусского духа, или же, какъ утверждалъ Кулишъ, это была антинаціональная балаганщина, предназначеннага для потѣхи обруѣвыхъ пановъ, насчетъ простого народа, и крайне обидная для малорусского національнаго самосознанія.

Единственнымъ способомъ рѣшить этотъ вопросъ фактически, а не априорно, было бы научное сличеніе произведеній Котляревскаго съ цѣлымъ рядомъ произведеній малорусской литературы XVIII вѣка. Такое сличеніе (теперь уже произведеніе П. И. Житецкимъ) выяснило бы тѣсную, органическую, генетическую связь Котляревскаго съ прежней малорусской литературой, показало бы, что перелицованныя Энейды являются болѣе всего прямымъ продолженіемъ литературы «яків-пиворізъ», а драматическая произведенія Котляревскаго, въ частности,—преемственнымъ продолженіемъ малорусскихъ интерлюдій, что, однимъ словомъ, по выраженію Житецкаго—«корни Энейды лежатъ въ ея прошломъ». Разъ это выяснено, то ужъ излишнимъ дѣлается самыи вопросъ, патріотомъ ли былъ Котляревскій или непатріотомъ. Необходимость такихъ историческихъ изслѣдованій сознаетъ самъ г. Стешенко, и въ заключительномъ отданіи своей книги онъ честолюбиво утверждаетъ, что сочиненія Котляревскаго—преемственное продолженіе малорусской литературы XVIII столѣтія, на какъ и въ чёмъ эта преемственность—этотъ вопросъ г. Стешенкомъ не выясненъ; научныхъ изслѣдованій и сличеній въ области старинной малорусской литературы г. Стешенко не предпринимаетъ, и такимъ образомъ для доказательства национальной серіозности перелицованный Энейды у него остаются преимущественно априорныя соображенія о малорусскомъ патріотизмѣ Котляревскаго, который, конечно, всегда есть возможность оспаривать. Приведу наиболѣе характерныя мѣста изъ стр. 152—154: «У Осипова, автора русской перелицованный Энейды, было цѣлью дать карикатурное изображеніе приключеній Энея, способное потешить публику¹⁾ въ честь представителей классического міра. Для достижения этой цѣли Осиповъ поставилъ послѣдній въ великорусскую обстановку. Прочитавъ русскую Энейду, Котляревскій, въ противоположность ей, захотѣлъ создать Энейду украинскую, захотѣлъ облечь боговъ и героевъ ея въ народно-национальныя одежды. Чему же приписать появление национальной²⁾ формы послѣдней? Котляревскимъ въ данномъ случаѣ руководила народная гордость». Да же г. Стешенко сообщаетъ, что у многихъ малоруссовъ конца прошлаго вѣка дѣйствительно была национальная гордость. Но вѣдь отсюда еще не слѣдуетъ обязательно, что она поэтому должна была быть и у творца потѣшной «Энейды», а все предыдущее априорное разсужденіе г. Стешенка прямо-таки несостоитъ. Въ самомъ дѣлѣ: кто, подобно Кулишу, будетъ утверждать, что Котляревскимъ руководило только антинациональное желаніе поиздѣваться надъ простымъ малорусскимъ народомъ, тотъ всегда можетъ возразить, что примененіе Котляревскимъ малорусского языка и малорусской обстановки для цѣлей смѣхотворныхъ, перенесеніе боговъ и героевъ въ малорусскія хаты и вложеніе въ ихъ уста мужицкаго языка малорусского въ качествѣ высшей комической ненормальности, способной вызвать глубокий смѣхъ, служить самыи сильнымъ доказательствомъ нарочитаго презрѣнія къ

¹⁾ Курсивъ мой.

²⁾ Т.-е. малорусской.

этому языку. Только историческое изучение малорусской литературы XVIII в. может снять съ Котляревского укоры въ его антинародности, но, какъ я уже съ сожалѣніемъ отмѣтилъ, такого-то изученія у г. Стешенка почти и нѣть.

Нежеланіе осматриваться на старинную малорусскую литературу вредно отразилось у г. Стешенка и отдаче даже въ области чисто-литературного пониманія произведенія Котляревскаго. Такъ, по поводу пѣсни Вознаго: «От юныхъ лѣтъ» г. Стешенко замѣчаетъ, что она написана по-русски (стр. 188). Но г. Стешенко не высказаълъ бы такого мнѣнія, если бы обратилъ вниманіе на другую пѣсню, вложенную въ уста того же Вознаго: «Всякому городу свой правъ и права». Пѣсня эта (какъ г. Стешенко несомнѣнно знаетъ)—сочиненіе не Котляревскаго, а народного украинскаго философа—Сквороды. Рѣчь ея— книжное семинарско-малорусское изычіе; вотъ такъ же и пѣсня «Отъ юныхъ лѣтъ не зналь и любови» (читается «Отъ юныхъ лѣтъ не зналь я любови») составлена не на русскомъ языкѣ, а на томъ же языкѣ, характерномъ для круга почитателей Сквороды.— Въ другихъ отношеніяхъ литературная критика г. Стешенка обыкновенно бываетъ справедлива, хотя страдаетъ по временамъ чрезътѣйной драматичностью. «Энейда» Котляревскаго, говорить онъ, напоминаетъ намъ болѣе всего «Мертвыхъ Душъ» Гоголя, съ которыми наша цародія имѣть много общаго, именно въ изображеніи типовъ: произведеній обоихъ украинцевъ представляютъ дѣйствительныя эпопеи украинской націи; только наша поэзія далеко шире русской по замыслу, и по исполнению» (стр. 160). Оставляя въ сторонѣ вопросъ, почему великорусскій «Мертвый Душа» должны быть эпопеей именно украинской націи, отмѣтимъ только чудовищное преувеличеніе послѣднихъ словъ, напечатанныхъ у насъ курсивомъ. «Мертвый Душа» Гоголя можно перечитывать каждый годъ,— и каждый годъ съ новымъ увлекательнымъ интересомъ: начавши читать «Мертвый Душа», не хочешь оторваться отъ многократно читанной книги, пока не доишься ея до конца; между тѣмъ, для чтенія Энейды Котляревскаго во второй разъ, а особенно для чтенія подъ-рядъ—требуется извѣстная доза храбрости: первыи пѣсни еще читаются съ интересомъ, но чѣмъ дальше—тѣмъ интересъ ослабѣываетъ, однообразіе начинаетъ прѣдаться, грубый шаржъ отталкиваетъ отъ себя, и чтеніе (если оно вызвано не какими-нибудь специальными научными цѣлями) дѣлается прямо утомительнымъ. Не даромъ поэтому и Минскій (вообще, отнесшійся къ Котляревскому сочувственно) печатно заявилъ, что вторая половина Перелицованной Энейды—менѣ талантлива, чѣмъ первая¹⁾), а Данилевскій, въ своей статьѣ о Квиткѣ, высказалъ еще болѣе откровенное мнѣніе, что «въ Энейдѣ заключается порядочная частица сюжетности и вѣды»²⁾. А ужъ если сопоставить у автора «Перелицованной Энейды» и автора «Мертвыхъ Душъ» силу ихъ юмора, то не лише напомнить тоже извѣстный г. Стешенку (стр. 101) слова проф. А. Котляревскаго, несомнѣн-

¹⁾ Новъ, 1884, № 4.

²⁾ Въ своемъ сборникѣ: Українська Старина, 1886, стр. 198.

наго малорусса-патріота: «Малороссиянинъ и теперь не безъ удовольствія прочтеть Энейду Котляревскаго и посмѣется вдоволь, да не тѣмъ смѣхомъ, которымъ смѣемся мы при чтеніи свѣжихъ произведеній Гоголя». — Пусть даже считаются всякия такія мнѣнія субъективными,—г. Стешенко ничѣмъ ихъ не опровергъ и противопоставляетъ имъ только свое субъективное же мнѣніе, что по таланту Котляревскій выше Гоголя. Меньшее, но все-таки еще значительное преувеличеніе является у г. Стешенко въ его напрасныхъ стараніяхъ доказать художественность посредственного водевиля: «Москаль-Чарівникъ». Кулишъ (нашедшій въ этомъ пункѣ множество послѣдователей для своего мнѣнія) совершенно справедливо и при томъ доказательно, въ томъ числѣ путемъ сопоставленій съ «Простакомъ» Гоголя-отца, отмѣтилъ неестественность и натянутость типовъ и положений въ названномъ водевиля Котляревскаго. Г. Стешенко не соглашается съ Кулишомъ, но ничѣмъ опровергнуть его не можетъ, и всѣ опроверженія его сводятся въ сущности къ простому ограничению возврѣтъ Кулиша: по заявлѣнію г. Стешенко, типы водевиля «Москаль-Чарівникъ» жизненны и естественны. Правда, «никоторую ненатуральность» признаетъ за ними въ концѣ-концовъ и самъ г. Стешенко (стр. 198), но это ему не мѣшаетъ остаться при убѣждѣніи, что «Москаль-Чарівникъ» есть произведение художественное. Все это кажется преувеличеніемъ, особенно потому, что и стилизовано данное мѣсто (стр. 189—198) не совсѣмъ удачно. Изъ дальнѣйшей заключительной главы изслѣдованія г. Стешенко (стр. 202) вполнѣ ясно видно, что г. Стешенко имѣетъ въ виду художественность только относительную,—литературный достоинства въ «Москаль-Чарівникѣ» она усматривается едва ли не исключительно потому, что это былъ первый чисто-малорусский водевиль; появившись «Москаль-Чарівникъ» теперь, въ эпоху полнаго расцвѣта малорусской драматической литературы, г. Стешенко, очевидно, счѣль бы такой водевиль за очень посредственное или даже вовсе неудачное произведеніе. Къ сожалѣнію, въ надлежащемъ мѣстѣ, при самомъ разборѣ «Москаля-Чарівника», эта точка зренія не выставлена ясно, и потому восхваленіе «художественности» «Москаля-Чарівника» прямо кажется гиперболическимъ.

Въ послѣдней главѣ (стр. 201—232) г. Стешенко отмѣчаетъ условія, при какихъ создалась поэзія Котляревскаго, и указываетъ на ея огромное вліяніе и значение въ новой малорусской литературѣ. Много здѣсь затронуто пунктовъ спорныхъ, но въ концѣ-концовъ для уясненія истории малорусской литературы эта глава изслѣдованія г. Стешенко имѣть несомнѣнную важность. Да и вообще о всей книгѣ г. Стешенко мы должны сказать, что, несмотря на ея нѣкоторыя слабыя стороны, отмѣченныя нами, она является чрезвычайно полезнымъ трудомъ, съ которыемъ сердечно придется считаться всякому историку малорусской литературы.

A. Крымскій.